диземным: «Подъезжая морем верст за сто начинают уже показываться страшные те возвышения и горы, с обеих сторон его вмещающие <...> При каждом повороте канала сцена вообще переменяется и все величественнее становится. Горы, из-за гор видимые, больше и меньше ясны за воздухом, по мере большей или меньшей отдаленности кажутся беспрерывно продолжающимися. Кажется, что природа в рассуждении величественного и разнообразием поражающего вида все свои силы истощила на сие место. Сады, по чрезвычайной величине кедровых, а особливо кипарисных дерев и даже лавровых, кажется, существованием своим напоминают о первоначальных временах мироздания» (399).

Хемницер смотрит на Порту, ее столицу и народ глазами человека своего времени и своей среды — образованного российского дворянина эпохи Просвещения. Без всякой конфессиональной враждебности и даже без особого гонора европейца воспринимает он нравы, образ жизни и традиции магометан. Его избирательный взгляд останавливается на государственных учреждениях и главных культовых зданиях, причем как христианских святынях, так и мусульманских мечетях. Малоазийское побережье, восхитившее Хемницера своей яркой природой, актуализирует его представления не столько о былом величии православной Византии, сколько об античном прошлом этих земель: «...когда дошли до берега славной Трои <...> не без движения я остался» (402). Такой ракурс восприятия ни в коей мере не связан с лютеранским вероисповеданием Хемницера, а напротив, объясняется его принадлежностью к культурному пространству русского XVIII в., которое структурировалось вокруг античных образов. Взметнувшиеся обелиски, грянувшие оды и гимны, специально отчеканенные монеты, вспыхнувшие фейерверки в честь торжества победы над Портой, также воспроизводили стилистику Древней Греции и Рима. Завоеванный Крым должен был превратиться по воле екатерининских придворных в новое Понтийское царство с Севастополем вместо Ахтияра, Симферополем вместо Ахт-Мечети и Феодосией вместо Кафы.[25]

Собственно, и назначение немца, лютеранина, сына штаб-лекаря из Фрайбурга на должность российского консула в Порте свидетельствовало об устойчивости имперского сознания, в котором растворились религиозные, национальные и даже сословные интересы. Ни чиновники Иностранной коллегии, ни Хемницер не задумывались над парадоксальностью этой ситуации. Представитель Петербурга в Смирне «с основательностью берется» не только отстоять права греков на ремонт православного храма, но и добиться строительства нового для прибывающих российских подданных. Поскольку «цер-

---

[25] См. об этом также: *Смилянская И. М.* Восточное Средиземноморье в восприятии россиян. С. 76—79; *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... С. 31—64, 95—122.